

25 мая 1985 года

# В ЗЕРКАЛЕ СКАЗКИ

ГАСТРОЛИ ТАШКЕНТСКОГО РУССКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА ДРАМЫ им. М. ГОРЬКОГО

Не часто на сценах театра появляются современные сатирические спектакли, тем более такие, которые созданы на блестящем литературном материале.

Нужно отдать должное молодежи Ташкентского театра драмы им. Горького, которая первой обратилась к повести-сказке В. Шукшина «До третьих петухов» и осуществ-

вила ее постановку (режиссер А. Кузин). Постановочный коллектив проявил большую настойчивость в осуществлении своего замысла: был создан сценический вариант повести (причем не потеряно ни словечко из авторского текста. Ведь это Шукшин!), найден свой ракурс в трактовке самой сказки, основных героев и т. д.

призывать и какому-нибудь определенному отрицательному персоналю. Дело обстоит гораздо сложнее. Сатира «До третьих петухов» многослойна, герои ее многозначны, а они часто переплетаются, качества, как будто взаимно: ключевых друг друга и в то же время общие для всех. И в первую очередь объединяет их стовенение признать человека. Лишить его корней в прошлом, моральных устоев в настоящем.

Молодой режиссер и актеры работали с увлечением. Были написаны три новые песни, создана музыка и спектаклю. Автором текста и музыки стал один из участников спектакля, исполнявший главную роль Иванушки-дурачка В. Баграмов. Введение этих стилизованных под народные песни, а также появление на сцене образа русской женщины с ребенком помогло режиссеру создать на сцене тот поэтически-обобщенный фон, который не в состоянии уничтожить никакая «нечистая» сила.

К сожалению, сценическое оформление спектакля (художник Р. Туманков) оказалось не столь впечатляющим, как его музыкальное звучание. Может, сказало то, что в Ташкенте спектакль был поставлен на малой сцене и более сложные декорации там не вписались. Тем не менее сказочный сюжет повести явно тяготеет к более выразительным деталям оформления.

Содержание и внутренняя структура повести В. Шукшина далеко не просты. Подзаголовок ее точно определяет жанр: «Сказка про Ивана-дурака, как он ходил за тридевять земель набираться ума-разума». Но это не просто сказка, а сказка литературная. Основанная на сказочных ситуациях и традиционных образах Бабь-Яги, Змея Горыныча и других, она во многом отталкивается и противопоставит им. Близкая фольклору, сказка Шукшина в то же время тяготеет к сатире Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Булгакова. Здесь действие и литературные герои (Обломов, Ленский, Бедная Лиза, Илья Муромец). Правда, большое влияние на события они не оказывают. Лишь Илья Муромец и Атаман помогают вызывать Ивана-дурака от Змея Горыныча. Но они нужны в структуре повести, сразу задают ей необходимую ироничность. В спектакле, правда, эти персонажи не обрели достаточной убедительной жизни.

Обращение к сказке позволило В. Шукшину представить события и героев в гротескно-фантастическом плане, и это усиливает сатирическую обобщенность образов, акцентирует внимание на нравственно-философских проблемах современности.

Спектакль начинается с того, что Иван-дурак, согласно решению общего собрания героев литературных произведений, живущих в библиотечных полках, отправляется добывать справку у Мураца о

том, что он не дурак, а умный. Сам диспут об Иване-дураке и задаче, данное ему, лишены какого-либо смысла, тем не менее Иван должен идти.

На своем пути герой встречает массу препятствий, нередко его жизнь находится под угрозой. Сатирическое обличение автора вступает в действие тогда, когда простодушный, но душевно чистый Иван сталкивается со всякой «члвотнойщиной». Уже первая встреча с Бабьей-Ягой, вопле современной стяжательницы и ханжой, стремящейся его руками построить себе коттедж, ставит Ивана перед выбором: был ли ему вечным рабом у нее или любым путем вырваться из волю. Бабья-Яга, ее Усатая дочка, в затем и Змей Горыныч продуманно и изощренно пытаются приучить Ивана-дурака, сломить его волю, унизить его человеческое достоинство. Для этого используются все средства, от лести до угрозы уничтожения, но Иван не сдается.

В спектакле остроумно решен образ Змея Горыныча, три головы которого играют три разных актера, разные по тилану манере вести себя, воспринимать события (актеры В. Дутов, А. Нуриев, А. Плечко).

Менее оригинально решена сценическая интерпретация Бабь-Яги (арт. М. Баграмова). Перед нами обычная женщина, нет у нее ни крючковатого носа, ни востаной ноги (что вопле в духе спектакля), но нет и ничего сказочного, нет изюминки.

Иван-дурак, блестяще сыгранный В. Баграмовым, проявляет здесь и свою природную смекалку, и юмор, и строптиный нрав, т. е. те качества, благодаря которым ему удается сохранить себя. Типичный мужичок на вид, здоровый, крепкий, иногда хитрый, а иногда и не очень сообразительный, он оказывается человеком с характером.

В Баграмову веришь и тогда, когда он взрывается, бунтует, не желает плясать под чужую дулку, и когда он вынужден полатить и терпеть унижение. Его душевное здоровье особенно проявляется при встрече с Медведем, апатичным трусовым типом, который примиряется с обветшалым и видит спасение в пьянстве. Нет, не злает Иван, хотя порой и сил нет переносить обиды от всякой мразины: «В душу как вроде удобряния свалили. Вот же как тяжело! Достанется мне эта справка...»

Особенно горькие чувства, глубокое потрясение вынес Иван от встречи с чертами, которые должны были показать ему путь к Мурацу. Очень по-шукшински показан в спектакле шашаб и бедлам, царящие в чертячем лагере, осаждающем монастырь. Цинично и скептически настроены по отношению ко всякой «рутинке», персонажи эти стремятся искоренить в людях истинные представления о добре и зле, разрушить все святыни.

Ярко и темпераментно играет изысканного артиста Г. Печис. Он элегантен, прекрасное движется, постоянно перевоплощается, играя то доброго, сочувствующего Ивану человека, то хана и деспота, презирающего все вокруг. Вот он рисует своей образованностью, а через мгновение уже попирает самые элементарные человеческие чувства.

Все аморально в этом лагере и танцы чертей, и издевательское пение, и стремление переписать иконы, все диктуется желанием вторгнуться в душевную жизнь народа, навязать там, внутренне разложив морально неустойчивых людей. Сценый эти, гротескно-карикатурные в спектакле ташкентцев, прекрасно сыграны актерами. И именно поэтому они самые впечатляющие, оставляющие, несмотря на веселье, шипение на сцене, тревожный след в душе. Ведь тут впервые Иван ступил, помог чертям проникнуть в монастырь. Помог не из страха, а добровольно, не подумав о последствиях, поддавшись общему настроению.

Встреча с Мурацом (засл. арт. Узбекской ССР А. Гарилюк) не приносит облегчения Ивану. Пред ним оказывается мелкий сутяжный человек с заумными и бессмысленными словесами, которыми он опутывает людей как липкой паутиной. Деятельность его измывается количеством наложенных резолюций. Но что касается практической стороны жизни, особенно умения скрыть цветы удовольствия, стариком тут не парня. Его царевна Насмевая (арт. Л. Михалева) со своей пошлостью и бездуховностью оказывается под стать ему.

Мурадец вообще в себя много качества, пресущие бюрократов, чиновников, бездушных вершителей человеческих судеб, опраляющих нашу жизнь. Однако ни в каком случае не следует каждый персонаж шукшинской сказки

Не прост и не однопланов и Иван-дурак. Являясь носителем коренных народных начал, он в то же время, как мы видели, далеко не безгрешен, нередко оступается, поддается на провокации. Характер его в спектакле показан в движении. Иван В. Баграмова, сталкиваясь с несправедливостью, пошлостью, наглостью, алячностью и т. п., меняется. В душе его происходит сдвиг. С него слетает пелена наивности, истощается терпение. Вернувшись в библиотеку, он начинает рассуждать. И рассуждая здраво: «Нам бы не сидеть, Илья! Не расслабивать бы нам!». Иван теперь сам стремится к движению, и предостерегает тех препон и обстоятельств, которые мешают человеку быть Человеком.

Спектакль по сказке Шукшина чрезвычайно созвучен тем высоким требованиям, которые предъявляет партия ко всем нам. Он подтверждает, что силы для этого у нас есть. Думается, что интересной режиссерской находкой в постановке является символическая сцена, когда печаль, которую принес Иван от Мураца, не брешна просто за невдабностью, как это имело место у Шукшина, а привязана в качестве игрушки и люльки рабака. Рабачком привлекает общее внимание. Жизнь продолжается и будет продолжаться, несмотря ни на какие трудности и сложности.

С удовлетворением отмчу, что спектакль сыгран на одном дышанки. Каждому актеру пришлось исполнять не только роли. Надо было видеть, как они перевоплощаются, включаются в новое действие, с каким темпераментом поют, танцуют! И если артистам можно предъявить какие-то претензии по поводу дикции (на все и не всегда говорят анятно), то пение и музыкальное сопровождение спектакля получают у зрителя полное признание.

Хотелось бы пожелать коллективу и в дальнейшем сохранять этот жар души, не поддаваться желанно попросту вырваться с места в зале, а продолжать активное наступление на безразличность и подлость, в какие бы рамки они ни ридлись.

И. НЕЧАЕВА.